

Цзи Чжайсин сохранял спокойное и холодное выражение лица, войдя в главный зал главы секты. Его взгляд сразу упал на поседевшие волосы и явные признаки старения его учителя, отчего он слегка опустил глаза.

Глава секты Тань, всё ещё находясь в замешательстве, заметив, как его ученик входит, инстинктивно выпрямился, но его шаги были неуверенными.

После мгновения радости на его лице вновь появилось выражение яростного гнева.

Цзи Чжайсин склонил голову, признавая свою вину.

Из одиннадцати учеников, которых он взял с собой, трое навсегда остались в таинственном месте.

Он не смог вернуть их обратно.

— Однако ни глава секты Тань, ни остальные не считали, что это ошибка Цзи Чжайсина.

Гнев главы секты был вызван лишь тем, что тот, не заботясь о собственной жизни, отправился в таинственное место небесного уровня.

Хотя Цзи Чжайсин вернул остальных учеников и сам вернулся невредимым, глава секты всё ещё чувствовал страх.

Черноволодый мечник опустил на одно колено, и его облачный рукав соскользнул, обнажая белоснежное запястье. Он опустил глаза, держа в руках дисциплинарный кнут.

— Пожалуйста, накажите меня, учитель.

Глава секты Тань был настолько разгневан, что едва сдерживался, чтобы не схватить кнут и не ударить... самого себя.

Он с трудом подавил гнев и сказал Цзи Чжайсину:

— Чжайсин, я иногда задаюсь вопросом, не был ли я слишком строг к тебе, что ты так пренебрегаешь собственной жизнью.

За пределами главного зала Ци Байшань был остановлен и не мог подслушать разговор старшего брата и учителя. Он лишь принял вид послушного ученика и остался ждать снаружи.

Рядом с ним стоял красивый серебряноволосый юноша, который, судя по виду, был ещё совсем

молод. Дежурные ученики, любопытствуя, хотели спросить его имя, но холодный взгляд юноши заставил их отступить.

Ци Байшань, стоя рядом с ним, испытывал к этому человеку сильное отвращение.

Когда его разбудил старший брат, в его глазах был только Цзи Чжайсин, и лишь позже он заметил, что появился ещё один обуза.

Цзи Чжайсин представил его, сказав, что это его новый ученик, и всего за полдня у Ци Байшаня появился племянник.

Первый ученик старшего брата Чжайсина — какая завидная роль. Отношения между учителем и учеником всегда были более глубокими.

Особенно раздражало то, что этот человек на протяжении всего пути старался быть ближе к старшему брату, что вызывало у Ци Байшаня ещё большее недовольство.

Чем больше он думал, тем мрачнее становилось его выражение лица, а в глазах вспыхивали кровавые отблески. Он долго стоял, а затем внезапно бросил вызов стоящему рядом:

— Не думай, что если старший брат взял тебя в ученики, то он ценит тебя. Он просто мягкосердечен, и даже если перед ним будет зверь, он спасёт его.

Хэ Сюань:

— ??

Хэ Сюань почувствовал сильный гнев и, скрестив руки на груди, высокомерно ответил:

— Мяу!!

Ци Байшань:

— ...

Чёрт, этот парень сумасшедший.

Они смотрели друг на друга, испытывая взаимное отвращение.

Если бы они не находились у входа в главный зал, а Цзи Чжайсин был бы всего в нескольких

шагах от них, они бы уже начали драться.

Когда Цзи Чжайсин вышел, он увидел, как они стоят друг напротив друга, их взгляды будто слились воедино, словно два щенка, обнюхивающих друг друга. Он подумал, что они, должно быть, хорошо ладят.

Он слегка улыбнулся:

— Младший брат, учитель хочет поговорить с тобой.

Оба — человек и зверь — только сейчас заметили, что Цзи Чжайсин вышел. Его чёрные волосы слегка растрёпаны, а рукав закатан, обнажая тонкое запястье с выступающей костью, слегка покрасневшей, будто покрытой тонким слоем румян.

Ци Байшань, чувствуя себя виноватым, опустил взгляд и, увидев это белоснежное запястье, на мгновение замешкался. Лишь после того, как Цзи Чжайсин позвал его ещё дважды, он наконец отреагировал, и его лицо покраснело до кончика носа.

— О... хорошо.

Ци Байшань поспешно вошёл, подбирая полы одежды.

Цзи Чжайсин посмотрел на юношу, который с момента его появления пристально смотрел на него. Если бы не маскирующие заклинания, его звериные уши, спрятанные в волосах, сейчас бы насторожились.

Он мягко погладил серебряные волосы юноши, слегка потирая макушку.

Для Цзи Чжайсина Хэ Сюань всё ещё был мягким и пушистым зверем, поэтому его движения были инстинктивно нежными.

— Перед другими ты должен называть меня учителем.

Цзи Чжайсин слегка опустил глаза, его голос был тихим и мягким, что придавало ему особую нежность.

— В остальное время можешь называть меня по имени.

Цзи Чжайсин всегда был терпелив с Хэ Сюанем, зная, что тот превратился из зверя и не понимал многих вещей, связанных с культиваторами. Он без усталости объяснял даже самые простые вещи, касающиеся практикующих.

Хэ Сюань, казалось, не до конца понимал.

Он послушно потерся о ладонь Цзи Чжайсина, проявляя невероятную покорность и миловидность. Затем он заговорил, и на этот раз это был не звериный звук, а чистый голос юноши:

— Чжайсин!

Кто бы его этому ни научил.

Когда Ци Байшань встретился с учителем, он не ожидал, что первая же фраза учителя его ошарашит.

Учитель уже знал о его падении в демоническую культивацию.

Ци Байшань почувствовал, как в голове закипела кровь, и, стиснув зубы, он опустился на колени:

— Это моя вина, я запятнал имя секты. Сегодня я покину секту и не буду втягивать Секту Юйшуй в свои проблемы, но...

Глаза юноши слегка покраснели:

— Смогу ли я после этого общаться с людьми из Секты Юйшуй?

Глава секты Тань почувствовал тяжесть в груди. Ему казалось, что его ученики всё время делают что-то не так, и он начал сомневаться в себе.

Глава секты раздражённо сказал:

— Сейчас репутация демонических культиваторов действительно плоха, но в конечном счёте это просто другой путь совершенствования. К тому же древние культиваторы отличались от нас, и ты не превратился в демона из-за склонности к убийствам, а лишь унаследовал технику. В чём твоя вина?

— Я позвал тебя не для того, чтобы ругать, а чтобы сказать, что раз ты встал на этот путь, то это твоя судьба. Не нужно менять его из-за других причин, просто совершенствуйся. Секта не сможет тебе помочь, тебе придётся разбираться самому.

Глава секты Тань потрогал свою дрожащую грудь и добавил:

— Но твой старший брат Чжайсин сказал, что пока не стоит рассказывать об этом другим, нужно дождаться подходящего момента.

Выражение лица главы секты Тань стало странным, будто он был одновременно горд и сожалел, и с лёгким вздохом сказал:

— То, что задумал твой старший брат, гораздо серьёзнее твоего дела. Когда это станет известно, вряд ли кто-то будет обсуждать твоё падение в демоническую культивацию.

В тот момент Ци Байшань ещё не понимал, что имел в виду учитель.

До тех пор, пока через полмесяца...

Чжэньцзюнь Цзи из Секты Юйшуй уже был знаменитостью в мире культивации, и в последнее время его слава достигла небывалых высот.

Культиваторы говорили о том, что он самый молодой обладатель Золотого ядра, гордый мечник, который одним ударом меча победил старейшину Пути Цзинхуа, и великий мастер, который смог вернуться из таинственного места небесного уровня. Конечно, некоторые также восхищались его невероятной красотой, утверждая, что не только женщины, но и мужчины, увидев его, теряли голову, и после него все остальные цвета мира казались блёклыми.

Конечно, последнее утверждение вызывало насмешки, ведь кто будет обращать внимание на внешность, когда Чжэньцзюнь Цзи так силён? Наверное, только слабые культиваторы могли говорить о таком.

Когда слухи о Чжэньцзюне Цзи начали утихать, он совершил нечто ещё более ошеломляющее. Он снова отправился в таинственное место небесного уровня, взяв с собой почти сто учеников Секты Юйшуй.

Он не скрывал этого и не оправдывался.

Все знали, что в прошлый раз, хотя ученики Секты Юйшуй чудом выжили, несколько из них всё же погибли. Почему же Цзи Чжайсин снова решил отправиться туда с сотней учеников, словно желая их погубить?

Некоторые даже злорадствовали, предполагая, что Цзи Чжайсин, возможно, заключил сделку с чем-то внутри, обменяв жизни обычных культиваторов на свою собственную. В конце концов, жизни множества обычных культиваторов не стоили и пальца этих талантов из великих сект.

Однако эти слухи не оказали никакого влияния внутри Секты Юйшуй. Возможно, потому, что люди из внешних сект не понимали, что репутация Цзи Чжайсина в Секте Юйшуй уже давно вышла за рамки простого уважения к старшему мастеру. Он был почти обожествлён.

Цзи Чжайсин понимал, что Духовная область была крайне опасным местом для этих учеников. Даже он сам никогда не забудет три могилы, которые он поставил там.

<http://bllate.org/book/15565/1385515>